

Рецензии

Столяров В.П.

Лабиринты псевдо-истории

Рецензия на книгу Ю.А Бродского «Соловки. Лабиринт преображений»

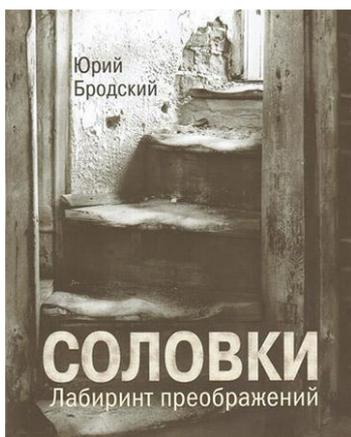
Аннотация. Новая историко-публицистическая книга Ю. А. Бродского призвана ввести читателя в уникальный мир природного, культурного и духовного наследия Соловецкого архипелага, ознакомить его с историей Соловков и всей России. На примере рецензируемой главы книги «Краеугольный камень» показывается, как автор, в борьбе с традиционной русской православной культурой, фальсифицирует источники информации и занимается «переписыванием» отечественной истории.

Ключевые слова: история, православие, средневековая Россия, Соловецкий архипелаг, преподобный Савватий и Герман соловецкие, Белое море, Корельский берег, местное население, монашество, феномен «чудесного», Соловецкий Спасо–Преображенский монастырь, Соловецкий лагерь особого назначения.

*Самое важное – держаться того, что проверено опытом.
В противном случае уходит Предание и остаётся предательство.*

Старец Паисий Святогорец

Насколько помню, фундаментальный труд свой «Соловки. Лабиринт преображений» [1] Юрий Аркадьевич Бродский замыслил лет пятнадцать — двадцать назад. Знаю Юрия как автора замечательной монографии «Соловки. Двадцать лет особого назначения», авторитетного историка Соловецкого концлагеря (СЛОН), великолепного фотохудожника, знатока самых сокровенных уголков Соловецкого архипелага, где имел удовольствие неоднократно с ним встречаться и беседовать. Поэтому с нетерпением ждал выхода новой книги.

И вот лежит передо мной весомый фолиант, плод многолетней работы, включающий массу фотографий и иллюстраций, шедевр полиграфического искусства, который приятно взять в руки. На первый взгляд, это добротное научно-популярное издание, адресованное серьёзному читателю. Одновременно это и художественный альбом, эмоциональное послание с чётко выверенным структурным рядом.

Как отметил в предисловии петербургский литератор Виктор Ерофеев, *«этот многогранный скрупулёзный труд создан по законам любви и красоты»* [1, с. 6]. И действительно, Юрию Бродскому удалось передать своё чувство любви к Соловкам: неброской природе архипелага, древним памятникам неолита, жителям и посетителям северных островов. *«Тема любви, разлитая по всей книге»* [1, с. 6], вызывает, естественно, сочувствие и душевный отклик.

Однако, это лишь одна (и лучшая, на мой взгляд) сторона многостраничного издания. Другая сторона — явное свидетельство нелюбви, удивительной нелюбви к многовековой истории Соловецкого монастыря и православной России. Вот уж где от любви до ненависти — один шаг, буквально — через страницу книги.

Далее Ерофеев утверждает: *«Это книга учёного, написанная писателем. Это книга писателя, написанная учёным»* [1, с. 7]. Судя по заявленной тематике издания, автор «Лабиринта преображений», как и рецензент, должны обладать энциклопедическими познаниями во многих областях: географии и этнографии, истории средневековой и современной России, вселенской православной церкви и католичества, богословия и искусствоведения, эзотерики и краеведения, охраны памятников и философии... Так ли это?

Ввиду нехватки глобальной эрудиции вынужден ограничить свои суждения и замечания весьма узкой областью. Я — человек православный, долгое время изучал архивные документы и древние рукописи Соловецкого монастыря. Более двадцати лет в составе Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) принимал участие в полевых исследованиях культурного и природного наследия Арктики под руководством профессора П.В. Боярского, возглавлял сектор Соловецкого архипелага и Беломорья в Институте Наследия имени Д.С. Лихачёва. Именно с этой точки зрения попытаюсь оценить научность и достоинства труда Юрия Аркадьевича Бродского.

Чудо у горы Секирной

Не одну страницу своей книги Юрий Бродский посвящает древнейшему преданию Соловецкого монастыря — «чуду у Секирной горы». Автор называет это легендарное событие *«чудом избиения»*, утверждая, что *«этот сюжет является основополагающим для понимания всей последующей истории Соловков»* [1, с. 98]. Действительно, событие это может служить своеобразным ключом к постижению великой духовной истории северного архипелага.

Напоминаю, что «чудо у Секирной горы» было явлено без малого шесть веков назад, около 1429 года, после прибытия на Соловки преподобных Зосимы и Германа. Старец же Герман незадолго до своей кончины (+1479 г.) поведал о начале иноческой жизни на Соловках монаху Досифею, ставшему позже игуменом Соловецким. Затем игумен Досифей положил рассказ преподобного Германа в основу «Жития...Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев». Известные списки «Жития» датируются первой половиной XVI-го века. Поскольку Юрий Бродский «перетолковывает» вторичные источники конца XVII — XIX веков [1, с. 98], следует ознакомиться с выдержками из раннего текста [2] (в современном переводе):

<...Преподобный Савватий, желая избежать мирской славы, тайно покинул Валаамский монастырь в поисках места пустынного, (удобного) для молитвы. Услышал он о Соловецком острове, где много озёр, и рыба разнообразна, и всякие деревья, и горы есть. А приходят туда рыболовцы, и после труда своего отходят с добычей восвояси (домой). Дошёл преподобный Савватий до берега морского, и стал вопрошать о Соловках поселян, живущих против того острова. Они отвечали, что остров тот не близок, но двумя днями (плаванья) едва достигается. Многие годы (ранее) поселяне пытались там обосноваться, но не смогли жить, имея страх перед морем. Поняли приморские жители, что старец хочет обосноваться на месте том, и смеялись над ним, и ругали его, как не имеющего благого смысла (слабоумного). Встретил старец Савватий в селении Сорока монаха Германа, и решили они жить на том острове Соловецком. Морским путём благополучно достигли преподобные Савватий и Герман (в 1429 г.) острова, соорудили себе келлии на берегу озера, недалеко от высокой горы, и жили здесь с радостью, труды к трудам прилагая, и молились беспрестанно. Поселяне, жившие (на материке) против острова того, позавидовали монахам и говорили: «Мы ближние (к Соловецкому острову) из всей земли Корельской. Хотим же и мы там некую часть земель иметь в наследие чадам и роду нашему». (После этого) по совету друзей своих пришёл на остров тот некий муж с женой, (обосновался там) и начал рыбу ловить по озёрам [2, с. 9–13]...> [3].

«Однажды, в день воскресный, вышел во время заутренней службы старец Савватий с кадилом ко кресту, который стоял вблизи его келлии. И донеслись вдруг до преподобного Савватия вопли и мольбы. Ужаснулся старец, осенил себя крестным знаменем и послал собрата Германа узнать, кто там кричит. И пошёл Герман на крик, и нашёл плачущую женщину, и спросил её: “Что с тобой приключилось?” Она же отвечала ему так: “Шла я на озеро к своему мужу, и встретили меня два юноши сияющие, светлые обликом, и начали бить меня дубцами [4] и сказали мне: “Изыдите от места сего. Вы недостойны быть здесь. Место сие уготовано для пребывания иноческого чина. Вы же ступайте скорей отсюда, или злой смертью погибнете. Здесь же иноческая селитва [5] будет, и соберётся тут множество черноризцев [11], прославляя Имя Божие“. С этими словами стали юноши невидимы. Герман возвратился к старцу Савватию и поведал ему о происшедшем. С тех пор никто не осмеливался селиться на месте сем» [2, с. 13–14].

Отношение читателей к этому легендарному повествованию характеризуется обычно двумя полярными позициями:

— «Верю. Чудо у Секирной горы было. Преподобный Герман говорил правду», — к этому склоняются люди православные, доверяющие святоотеческим преданиям. В этом случае феномен чуда у горы Секирной является неоспоримым свидетельством пред-уготованности, пред-назначенности Соловецких островов для проживания монахов, что проявилось некогда в знаменательном сверхъестественном Божественном Вмешательстве в обыденную мирскую жизнь.

— «Не верю. Чуда не было и не могло быть. Событие это выдуманное. Предания врут», — утверждают уважаемые атеисты, которые существование Бога не признают, и считают описания любых чудес сказками и небыличками.

Юрий Бродский предлагает читателю нечто среднее: «Было, но не чудо». Характер «чудесности» события у Секирной горы автор отрицает, но факт избиения корельской жены принимает на веру и делает «*краеугольным камнем*» [1, с. 97] своей исторической хроники. Если согласиться с тем, что чуда не было, остаётся в летописи Соловков некое преступление (типа хулиганства), совершённое лет шестьсот назад двумя молодыми людьми, такими средневековыми «титущками» [7]. Однако факт исторического хулиганства надо чем-то доказать, и автор на страницах своей книги вынужден был выступать в роли своеобразного следователя (обвинителя ли, прокурора ли?).

Здравый смысл приносит много вреда, если кто-то хочет исследовать с его помощью то, что относится к области божественного — таинства, чудеса (*Старец Паисий Святогорец*)

Около полутора веков назад замечательный русский историк Владимир Осипович Ключевский в своей магистерской диссертации «Древнерусские жития святых как исторический источник» [8] проанализировал свод агиографических источников Русского Севера, включая жизнеописания соловецких подвижников, и детально обосновал методику подобной научной работы. Юрий Аркадиевич Бродский, стараясь донести «свою правду» до неискущённого читателя, взял на себя нелёгкую обязанность агиобиографа, но использовал при этом весьма специфические приёмы ретро-анализа. Отметим некоторые характерные особенности этой «научно-популяризаторской» деятельности.

1. Автор скрывает (секретит) информацию, относящуюся к сути дела. В книге отсутствуют постраничные ссылки на используемые источники. Читатель лишён возможности проверить как достоверность информации, так и её контексты.

2. Закрыв доступ к информации, автор искажает (фальсифицирует) исторические документы и контексты происшедшего в нужную ему сторону. Достаточно сравнить текст жития XVI века, приведенный выше, и пересказ [1, с. 105–106] Юрия Бродского:

«Суть чуда, по словам Германа, заключалась в том, что прибытие иноков на Соловецкий остров в 1429 году сопровождалось появлением некоей силы, обрушившейся на карельских хозяев земель и морских угодий архипелага» (Ю.Б.).

Преподобный Герман не сообщал о «появлении некоей силы» и о существовании каких-либо «карельских хозяев земель и морских угодий архипелага». Сведения о «сути чуда» известны со слов жены рыбака.

«Иноков поддержали двое молодых людей, похожих на ангелов» (Ю.Б.).

Преподобные Савватий и Герман в какой-либо поддержке не нуждались и её не искали, и с ангелами, судя по житию, не встречались.

«Молодые люди, а может, бесполое и бесплотные духи, принявшие на время мужское обличье, стали железными прутьями учить свою жертву уму–разуму совсем не по–ангельски» (Ю.Б.).

Вместо дубцов (веток) в руках ангелов–юношей Ю. Бродскому привиделись вдруг железные прутья, что он и будет доказывать в дальнейшем. Следует отметить, что железные изделия в то время были весьма дороги, а металлические прутья и вовсе были неизвестны на далёком севере.

«Согласно жизнеописанию соловецких чудотворцев, били юноши жестоко и с гневом» (Ю.Б.).

Это утверждение не согласно с жизнеописанием, в житии не сообщается, что юноши били женщину «жестоко и с гневом».

«Акция завершилась ультиматумом, который экзекуторы повелели довести до сведения всех других владельцев угодий на Соловецком архипелаге» (Ю.Б.).

О «всех других владельцах» каких-либо угодий на Соловецком архипелаге в житии не упоминается.

«Согласно монастырским источникам, все рыбаки и их семьи, едва заслышав о “чуде избияния”, добровольно и поспешно отбыли на континент, побросав насиженные места» (Ю.Б.).

Таких «монастырских источников» не существует, что легко проверить. Как не существует и сведений о проживании карельских рыбаков с их семьями на Соловецком острове, которые могли бы «поспешно отбыть на континент, побросав насиженные места».

Кстати, ведущий специалист по домонастырскому наследию Соловков, учёный, археолог А. Я. Мартынов сообщает, что многолетние полевые исследования Соловецкого архипелага «приводят к однозначному выводу: постоянного населения, способного проживать на беломорских островах круглогодично в течение ряда лет, в древности не было. Так первобытная археология подтверждает сделанный очень давно, но без должных научных оснований, вывод о том, что

первыми постоянными жителями Соловков были монахи Герман и Савватий, два из трёх основателей Соловецкого монастыря, и произошло это только в первой половине XV века» [9].

3. Для того чтобы подтвердить наличие «преступления», автор демонстрирует «вещественные доказательства», никакого отношения к делу не имеющие.

«Первое графическое изображение отнюдь не условно–символической экзекуции на Секирной горе восходит к житийной иконе, которую игумен Филипп заказал в 1545 году московским мастерам для Соловецкого монастыря» [1, с. 107].

Миниатюру из лицевой рукописи (1623 г.) автор дополняет подписью: *«Жену рыбака не секли лозинами, а смертным боем били по рёбрам и по почкам железными прутьями» [1, с. 106].*

По мнению автора, ещё более наглядно свидетельствует о «преступлении» описание миниатюры из лицевой рукописи «Сад спасения» (1711 г.): *«Женщина с двумя заплетёнными косами стоит на коленях, причём туловище её наклонено вперёд, руки её обращены туда же и книзу, они упираются в землю, одним словом, она находится на четвереньках. Каждый из ангелов со своей стороны одной рукой прижимает женщину к земле рукой за косу, а другой свободной рукой совершает акт насилия» [1, с. 108].*

Если мы согласимся с мнением Юрия Бродского, что экзекуция жены рыбака была вовсе не «условно–символической», то и изображения, предоставляемые в качестве доказательства преступления, должны быть тоже не «условно–символическими», а реальными — будь то фотографии, видеосъёмка или зарисовки с натуры. К сожалению, таковых в то время быть не могло.

Согласитесь, трудно считать доказательствами фантастические изображения, изготовленные художниками–иконописцами спустя 120 — 280 лет после «избиения жёнки железными прутьями».

4. Автор приобщает «к делу» уничижительную характеристику единственного «свидетеля преступления», преподобного Германа, вероятно, для того, чтобы вызвать недоверие к его показаниям:

«Крепкий инок Герман (средний срок жизни европейца тогда не превышал 30 лет), поведавший миру об избиении на Секирной горе, прожил на острове более 60 лет, так и не открыв братии своего мирского имени. Письменных свидетельств этот провожатый первоначальников монастыря не оставил, поскольку знание грамоты не входило в число его достоинств» [1, с. 107].

Справка о возрасте русских святых того времени: преподобный Феодорит Кольский, просветитель лопарей, прожил около 90 лет; преподобный Кирилл, игумен Белоезерский — 90 лет; преподобные Зосима, Савватий и Герман Соловецкие — около 80-ти лет; преподобный Сергей,

игумен Радонежский — 70 лет... Так уж сложилось, что в эпоху средневековья наши преподобные жили гораздо дольше средних европейцев. Действительно, многие инокы не знали грамоты, далеко не все считали нужным сообщать окружающим свои мирские имена, что не мешало им становиться святыми людьми.

5. Для объяснения мотива возможного преступления автор приводит мнение «авторитетного эксперта». Бродский ссылается на эссе историка Сергея Морозова «*Рэкет в XV столетии?*» [10, с. 23], как бы не замечая знака вопроса в названии [1, с. 108]. В публикации Морозова, к тому же, имеется и характерный подзаголовок: «*Рассказ экскурсовода*». Заметьте, рассказ не историка, но именно — экскурсовода...

По словам Ю. Бродского, историк Морозов «*допускает версию о том, что монахи не принимали личного участия в акции (избиения), а использовали в своих интересах давний конфликт между новгородскими промышленниками и жителями Беломорского побережья, пригласив наёмников в качестве ударной силы. Молодые люди, нанятые монахами, говоря современным языком, произвели зачистку территории в пользу нового субъекта хозяйственной деятельности*» [1, с. 108].

Не могу оставить без внимания творческое наследие Сергея Васильевича Морозова, поскольку оно становится иногда источником домыслов, спекуляций и «авторитетных ссылок». Мне доводилось общаться с этим талантливым и обаятельным человеком на Соловках, где долгое время работал он экскурсоводом. Многие экскурсоводы отличаются от историков тем, что стараются заинтересовать туристов «жареными фактами», которые нередко сами изобретают.

Однажды, проводя экскурсию, Сергей необоснованно ввёл термин «рэкет» в описание «чуда у Секирной горы», что имело успех у состоятельных «туристов московской национальности» [10, с. 23] начала 1990-х годов. Экскурсанты же, вероятно, были достаточно сведущи в криминальных разборках того времени: «*Совершенно неожиданно мои слушатели предложили вполне рациональное объяснение описанного чуда: Савватий и Герман просто наняли двух парней и вынудили “жену корельскую” продать уголья*» [10, с. 23].

Ну, не мог не знать историк-краевед Морозов, что старец Савватий в поисках безмолвия бежал от общежительной монастырской жизни, что преподобные Савватий и Герман не собирались учреждать на Соловках монастырь. Следовательно, никакой необходимости захватывать земли Соловков под монастырское поселение у нестяжательных пустынников не было, как не было и оснований нанимать «двух парней» для избиения жены рыбака.

Однако, вопреки очевидным фактам, в своём эссе Сергей Морозов соединил предание о чуде у Секирной горы с конкретным средневековым событием — продажей корелянкой Ховрой Тойвутовой угодий на Соловках «*подозрительно дешёво*», за три рубля с половиною. И сочинил баснословно-неприличный лживый диалог между морскими промышленниками, побывавшими на Соловках, и преподобными Савватием и Германом [10, с. 24]:

— Каково спасаетесь, отцы?
— Помаленьку, ребята, помаленьку...
— Не надо ли чего?
— Благодарствуем, всего вроде бы довольно. Только вот жёнка карельская донимает...
— Карельская, говорите? Ладно, разберёмся...
И разобрались.

Действительно, в 1450-х годах корелянка Ховра, дочь Василия Кокуя, в замужестве Тоивутова, продала наследство Рокольского (корельского) рода новгородскому посаднику Дмитрию Васильевичу за три с половиной рубля [11]. В купчей грамоте отмечены обширные владения по берегам рек Выг, Шуя, Кемь, Поньгама, в Килбоострове и Кутоозере, в Соловках и в Кузовах. Нетрудно заметить, что земли на Соловках занимают в купчей далеко не первое место. Кроме того, предполагаемый факт вымогательства - избивание «рзкетирами» жёнки у Секирной горы — произошёл за четверть века (!) до продажи Ховрой своего наследства. Не слишком ли пролонгирована процедура вымогательства?

Любопытен заключительный абзац эссе Сергея Морозова: *«Что же должен сказать по этому поводу историк? Историк скажет, что в ранний период существования иноческого поселения на Соловках споры о владении обителю промысловыми угодьями улаживались при содействии новгородских поселенцев и благодаря вмешательству Новгородского владыки. А помолчав, историк добавит, что судим мы события почти шести вековой давности в меру испорченности своего "менталитета"»* [10, с. 24]. С чем можно полностью согласиться.

6. Вымышленные автором «вещественные доказательства» становятся предметом ещё одной, весьма странной, экспертизы:

«Максим Горький, которому в 1929-м, через пятьсот лет после совершения дива на Секирной горе, чекисты в соловецком лагерном музее показали икону с отнюдь не евангельским изображением "чуда избивения", выразил изумление по поводу крайней жестокости ангелов, принявших на себя роль экзекуторов: "Ангелы XV века крайне плохо знали технику порки: они секли прутьями карелку не по тому месту, которое указано древней традицией, а гораздо выше по спине, где боль ощущается гораздо сильнее, потому что там находятся чрезвычайно чувствительные кости", отметил Горький» [1, с. 106].

Посетив Соловецкий концлагерь, «Буревестник революции» как бы не заметил страданий заключённых, которые обращались к нему за помощью, но смело критиковал действия ангелов, что было гораздо безопасней.

Пользуясь случаем, Юрий Бродский сочинил ещё одну гипотезу, объясняющую возможный мотив совершённого «преступления».

«На вопрос Максима Горького, почему ангелы в образе благообразных юношей напали на жену карела, нет однозначного ответа. Может быть, благообразные юноши опасались получить отпор от крепких рыбаков, а женщина едва ли могла оказать серьёзное сопротивление. Или, всего вероятнее, присутствие женщины на острове раздражало монахов настолько остро, что именно на неё был направлен первый удар» [1, с. 109].

Как свидетельствует текст жития, преподобные Савватий и Герман и не подозревали о том, что на острове поселились рыбаки с женой. Что касается *«благообразных юношей, крепких рыбаков и острого раздражения монахов присутствием женщины»* - сей факт, вероятно, следует отнести к мироощущению самого автора.

Заметим, что с точки зрения поселян XV–го века феномен «чуда у Секирной горы» выглядел простым, внятным и мягким способом вразумления жены (мужем), вполне законным и обычным для того «не эмансипированного времени». Мы не знаем, видела ли женщина ангелов у Секирной горы во сне, или наяву, и какого свойства было это чудесное психофизическое воздействие. Но таким необычным способом было явлено миру Высшее Предназначение уединённых северных островов для иноческого подвига и молитвы.

На наш взгляд, вовсе не чудо у Секирной горы, а именно упразднение этого древнего предания советской властью — появление первого семейного поселения на архипелаге в 1920 году — и явилось началом превращения Спасо–Преображенского монастыря в Соловецкий лагерь особого назначения.

Итоги исторического расследования

Вернёмся к тексту книги. Итак, необходимые доказательства средневекового преступления предъявлены читателю. Пора подводить итоги. Автор меняет серый мундир на чёрный китель. Прокурор торжественно произносит обвинительную речь и выносит приговор всей многовековой истории Соловецкой обители:

«Изгнание людей, издавна занимавшихся на островах рыболовством — древним апостольским трудом, есть краеугольный камень истории Соловецкой обители. Поглощение чужой собственности не было явлением, рождённым на архипелаге, но именно на Соловках, которые Московский патриархат числит опорой отечественной духовности, захват земель был возведён в ранг чуда. Благочестивый грабёж, совершённый во имя процветания монашеской обители, будет служить дурным примером при формировании общественного сознания из столетия в столетие...

Церковный рассказ о благообразных юношах, “жестоко и с гневом” ломавших мирянам рёбра железными прутьями на Секирной горе, подразумевает, что цель оправдывает средства, если преступление совершается с благими намерениями, и евангельские заповеди в такой ситуации могут быть легко перечёркнуты [1, с.107–108] ...

Посеявшие ветер пожнут бурю, — сказано в Ветхом Завете. Сечение железными прутьями положило начало череде событий, преобразивших суть островов. Секирная гора, историческое лобное место Соловков, открывает список самых скорбных мест России, где палачи будут убивать людей за принадлежность к социальной группе, по национальному признаку, за веру или неверие [1, с. 110] ...

Вершина крутого холма — явно неудобное место для расстрелов, но мысль о том, что ангелы избрали эту гору для расправ с несогласными, согревала сердца палачей» [1, с. 333] ...

Каждое слово — как гвоздь в крышку гроба. Только слова эти, как видим, — не совсем правда или совсем неправда. Уместно напомнить читателю приёмы ретроспективного следствия, которые применял автор:

- 1. Следователь скрывает (секретит) информацию, относящуюся к сути дела.**
- 2. Закрыв доступ к информации, следователь искажает (фальсифицирует) показания свидетеля.**
- 3. Для того чтобы подтвердить факт «преступления», следователь демонстрирует «вещественные доказательства», отношения к делу не имеющие.**
- 4. Следователь приобщает к делу уничижительную характеристику единственного «свидетеля преступления».**
- 5. Для объяснения мотивов возможного преступления следователь привлекает мнения «авторитетных экспертов».**

Припоминаю, — где-то подобное уже читал и удивлялся абсурдной технологии обвинения. Припоминаю, — там было что-то про специалистов-вредителей, врагов советской власти, руководящих работников, лично подсыпавших битое стекло в кормушку колхозным хрюшкам и песок в буксы вагонов. Кажется, это была стенограмма судебного процесса Промпартии (1930-е годы). Строки Юрия Аркадьевича Бродского местами напоминают обвинительные речи прокурора Андрея Январьевича Вышинского. Лабиринт, выстроенный фантазией автора, лукаво ведёт читателя от соловецких святых к Максиму Горькому, от монастыря до концлагеря.

Псевдонаучный фундамент книги

На собственном опыте знаю, что в любой публикации случаются ошибки и опечатки. Однако местами текст «Лабиринта преображений» напоминает исторический анекдот. Так, в двух лишь абзацах автор делает шесть (!) ошибок:

«Чудотворные мощи преподобного Савватия были упокоены его преемниками в позолоченной раке, изготовленной в 1566 году голландскими мастерами в Амстердаме. Заказ оплатил

первый русский западник — боярин Б.И. Морозов, приучивший государя Алексея Михайловича носить европейскую одежду.

Рака Савватия со временем оказалась в коллекции древностей музея-заповедника “Московский Кремль”. На одной из стенок этой гробницы, украшенной прекрасными рельефами работы голландских мастеров, по просьбе заказчика изображено пять фигур: тело корельской жёнки, прижатой к земле, пара ангелов, деловито секущих тело жертвы, и пара смотрящих — без нимбов» [1, с. 108].

Позолоченная резная рака преподобного Савватия, хранящаяся в Оружейной палате Московского Кремля, была изготовлена вовсе не голландскими мастерами, и не в Амстердаме. В 1566 году её «прекрасные горельефы» были вырезаны русскими скульпторами–краснодеревщиками в Великом Новгороде. Изготавливалось изделие тонкой работы по заказу Соловецкого игумена, святого Филиппа (Колычева), будущего митрополита Московского.

«Первый русский западник» — боярин Борис Иванович Морозов этот заказ оплатить в 1566 году никак не мог, поскольку родился в 1590 году. Действительно, несколько позже, в 1660 году боярин Морозов на свои средства заказал в Амстердаме «две накладные доски к ракам, серебряные чеканные с позолотой, весом более четырех пудов, с изображениями преподобных Зосимы и Савватия Соловецких», но вовсе не с картиной чуда у Секирной горы на стенке раки. Серебряные чеканные доски–барельефы накладывались на гробницы сверху.

Хотя государь Алексей Михайлович в юности и примерял из любопытства польскую одежду, однако «приучен» к ней не был. Более того, защищая русскую культуру от иностранного влияния, царь Алексей издал в августе 1675 г. следующий указ: «Стольникам, и стряпчим, и дворянам московским, и жителям объявить, чтобы они иноземных немецких и иных обычаев не перенимали, волос у себя на голове не постригали, так же и платья, и кафтанов, и шапок иноземных образцов не носили, и людям своим носить не велели. А кто впредь начнёт волосы постригать и платье носить иноземного образца, или такое же платье окажется на людях их, тем от Великого Государя быть в опале, и из высших чинов переписаны будут в низшие чины» [12].

Коснёмся, к примеру, географии. Для того, чтобы оценить достоинства расположения Соловецкого архипелага в Белом море, достаточно открыть географическую карту. Соловецкий монастырь находился на пересечении традиционных торговых путей из Великого Новгорода, Москвы, Онеги, Архангельска, Мурмана, был естественным центром громадного северного региона.

Иную картину рисует Бродский: «Соловкам в силу их географического положения никогда не приходилось участвовать в кровопролитных баталиях с иноверцами. Крепость...находилась в стороне от морских дорог и для потенциальных противников России в стратегическом отношении значения не имела» [1, с. 149].

Думаю, в этом случае следует верить академику Д.С. Лихачёву: «Соловецкий монастырь держал оборону всего русского Севера — от Мурманского берега и до западной Корелии — всего Поморья. Соловецкий монастырь был не только крепостью, но и тем распорядительным центром, от которого исходило общее руководство оборонительными приготовлениями, а в случае нападения — и военными действиями» [13].

Прочитав 457 страниц книги, я заметил, к сожалению, более двухсот фактологических ошибок и неточностей, касающихся только истории Соловков. Детально останавливаться на них не считаю возможным.

Однако не могу обойти вниманием то, что сообщает Юрий Бродский обо мне и моей работе [1, с. 402]. Если верить автору, я возглавлял редакционно-издательский отдел Соловецкого монастыря», чего никогда не было. В действительности я более двадцати лет руководил Соловецким отрядом Морской арктической комплексной экспедиции Института Наследия, который занимался исследованием Соловков.

Я не менял своих взглядов *«после отказа страны от коммунистической идеологии»*. И в позднее советское время в соловецких экспедициях принимали участие научные работники, люди православные, которые занимались описанием духовного, культурного и природного наследия архипелага, подготавливая необходимые материалы для восстановления традиционной деятельности Соловецкого монастыря.

Я не находил на острове Анзер *«в поисках исторических связей Соловецкого архипелага с западными соседями гряду валунов, похожую по форме на ладью викингов»*. Действительно, в конце 1990-х годов сотрудником экспедиции, археологом Е.А. Саликовым на Анзере был обнаружен «холм-вавилон» необычной для Соловков формы [14].

Я не утверждал, что находка эта *«служила доказательством приоритета норманнов, освоивших острова за тысячу лет до появления монашества на Руси»*. Известно, что монашество на Руси возникло не за тысячу лет спустя, а почти одновременно с появлением варягов—викингов, а южные монастыри—гораздо раньше.

Юрий Бродский ставит под сомнение факт обретения мощей священномученика Петра (Зверева), архиепископа Воронежского, на основании того, что *«поисковики не смотрели дела № 885, где указано истинное место могил заключённых, умерших на Голгофе»* [1, с. 336]. Я принимал участие в работе экспедиционного отряда Синодальной комиссии по канонизации святых РПЦ МП в июне 1999 года. Могу сообщить, что поисковики внимательно изучили следственное дело № 885. Указанное в документе место относится к захоронениям с лета 1929 года по зиму 1930 года [15]. Священномученик же Пётр умер ранее, в январе 1929 года, и был захоронен в другом месте, которое было обнаружено и полностью соответствовало историческим свидетельствам очевидцев [16].

Мой дядя Корнилий Тимофеевич Столяров действительно сидел в Соловецком концлагере и был расстрелян вместе с Павлом Александровичем Флоренским в декабре 1937 года [17]. Однако, по утверждению автора, другой мой дядя был сотрудником НКВД и отправлял заключённых на Соловки [1, с. 402]. Такого *«другого дяди»* — сотрудника НКВД — среди моих родственников не нашлось, поэтому я никак не могу являться *«живым отражением трагедии Советской России»*.

«Это книга учёного, написанная писателем. Это книга писателя, написанная учёным» — напоминаю отзыв литератора Ерофеева. При таком количестве фактологических ошибок, неточностей и явного лукавства данная книга вряд ли может претендовать на какую-либо «научность». Понятно, что Ерофеев весьма далёк от соловецкой-истории. Но что же тогда могло восхитить его в книге Бродского, что скрывается за эвфемизмом *«учёный»*?

Попытка слома стереотипов

Возникает вопрос – сознательно ли автор обманывает читателя, или сам обманываться рад? Для чего путём многократного повторения, следуя известной методике НЛП, читателю буквально вменяется отношение к изобретённым небылицам, как к историческим фактам? Для чего автор облачает свои рассуждения в псевдонаучную форму?

Находим ответ в самой книге: *«Добраться до истоков можно, лишь двигаясь против течения, ломая стереотипы сознания, и значимость Соловков как ключа к постижению прошлого Российской державы трудно переоценить»* [1, с. 18]. До каких истоков собирался добраться автор, можно только догадываться. Стереотипы сознания, понятно, следовало ломать у «зомбированного, непросвещённого и невежественного читателя». И здесь, видимо, все средства хороши. Многими способами и по многим направлениям автор в своей публикации старался разрушить традиционные представления о роли Соловецкого монастыря на архипелаге, и православной церкви в истории и современной жизни России.

И его усердная работа не осталась незамеченной. В ноябре 2017 Юрий Бродский стал лауреатом премии «Просветитель» за свой *«новый монументальный труд»*. Эта премия вручается фондом Дмитрия Борисовича Зимина *«за лучшую научно-популярную книгу на русском языке»*. Фонд Зимина с партнёрами, среди которых радиостанции «Дождь», «Голос Америки», «Газета.ру» действительно разрушили стереотип сознания, вопреки своим же правилам присудив премию изданию, весьма далёкому от науки. Вероятно, за какие-то иные достоинства.

Преподобный Макарий Египетский некогда сказал: **«Как обнаружится истина, если не будем иметь противников, людей лживых, восстающих против истины?»** Вспоминается мне известная народная поговорка про бочку мёда и ложку дёгтя. Если в бочку правды добавить хотя бы одну ложку неправды, вся бочка обратится в ложь. Такое вот *«путешествие к истокам»* и *«слома стереотипов сознания»* устраивает для «непрофессионального» читателя лауреат премии «Просветитель».

Люблю перечитывать «Сад расходящихся тропок» Борхеса, погружаться в его вымышленный и такой реальный мир. Фолиант Юрия Бродского в чём-то сродни этим мистификациям. Казалось бы, сменить бы жанр книги с научно-популярного на фантастический, и всё встало бы на свои места?

Однако, если география Борхеса существует только в его воображении, Бродский вторгается в область вполне реальную, имеющую многовековые традиции, стремится «перелатать» духовный и культурный мир Соловков по своему усмотрению и желанию. В таком случае этот «научно–публицистический» фолиант вряд ли может служить целям реального просвещения. Читателю уготовано беспросветное и безысходное блуждание в лукавом «лабиринте преобразений», сконструированном фантазией автора.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Бродский Ю.А.* Соловки : Лабиринт преобразений. — М.: Новая газета, 2017.

[2] Житие и чудеса преподобных Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев / подгот. [и предисл. С.В. Минеевой. — Курган: Изд-во Кург. гос. пед. ин-та, 1995.

[3] <...> —текст приводится в сокращении.

[4] Дубцы — прутья, ветки кустов.

[5] Иноческая селитва — монастырь.

[6] Черноризец — монах.

[7] Титушки (совр. укр.) — молодые люди спортивного телосложения в спортивных костюмах, выступающие в роли провокаторов–наильников.

[8] *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. — М.: Изд. К.Солдатенков, 1871.

[9] Арктика и Север : Электронный научный журнал. — 2012. — № 5 (январь). — С. 17.

[10] *Морозов С.* На белом море, на Соловецких островах. — Соловки: Изд-во Тов-ва Северного Мореходства. 1998. — С. 23.

[11] *Вернадский В.Н.* Новгород и новгородская земля в XV веке. — М., Л.: Изд-во Акад. наук СССР. 1961. С. 291.

[12] О ношении платья и нестрижении волос по иноземному обычаю // Полное собрание законов Российской империи. — СПб., 1830. — Т.1. — С. 1007-1008.

[13] *Лихачёв Д.С.* Соловки в истории русской культуры // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. — М.: Искусство, 1980. — С. 22.

[14] *Саликов Е.А.* Археологические и памятниковедческие исследования Соловецкого отряда МАКЭ Института Наследия // В фокусе наследия. — М.: Ин-т географии РАН, 2017. — С. 151.

[15] Обвинительное заключение по делу № 885 о к/р деятельности надзорсостава и медперсонала Пункта Анзер и к[омандиров]ки Голгофа Лагерьей Особого Назначения ОГПУ на Соловецких островах // Звенья : Исторический альманах. Вып. 1. — М., СПб.: Прогресс, Феникс; Atheneum, 1991. — С. 367.

[16] Отчет о нахождении места захоронения архиепископа Воронежского Петра (Зверева) на острове Анзер Соловецкого архипелага. — Соловки, 1999. — 5 л. / Архив Спасо-Преображенского Соловецкого ставропигиального мужского монастыря.

[17] *Столяров В.П.* Соловецкий узник Корнилий Тимофеевич Столяров // Архив наследия. — 2007. — М.: Ин-т Наследия, 2008. — С. 185-208.

© Столяров В.П., 2018.

Статья поступила в редакцию 10.03.2018.

Столяров Вячеслав Павлович,

историк, публицист,

руководитель Сектора исследований культурного и природного наследия Соловецкого архипелага и Беломорья (1999-2011) Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева (Москва).

Stolyarov V.

**Labyrinths of pseudo-history. A review of the book
by Yuri Brodsky Solovki. *Labyrinth of Transformations***

Abstract. A new historical and journalistic book by Yu. Brodsky is designed to introduce the reader into the unique world of the natural, cultural and spiritual heritage of the Solovki archipelago, to acquaint him with the history of Solovki and all of Russia. The author of the review shows how Brodsky falsifies

information sources and is engaged in "rewriting" of Russian history in the fight against traditional Russian Orthodox culture.

Key words: history, Orthodoxy, medieval Russia, Solovetsky archipelago, Reverend Savvaty and Herman Solovetsky, White Sea, Korel coast, local population, monasticism, "miraculous" phenomenon, Solovetsky Savior Transfiguration Monastery, Solovetsky Special Purpose Camp.

Stolyarov Vyacheslav Pavlovich,

historian, essayist,

Head of the Research Section of the Cultural and Natural Heritage of the Solovetsky Archipelago and the White Sea (1999-2011) of the Russian Scientific Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D.Likhachev (Moscow).